

Цзян Жо почти сразу понял, чьих рук это дело. Чжан Шаоюань, больше некому.

Устраивать сцену прилюдно не стоило, поэтому он лишь выразил недоумение по поводу этой внезапной немилости и потребовал от съёмочной группы внятных объяснений.

Режиссёр Чжао Сэнь, ведавший на площадке всеми организационными вопросами и давно поднаторевший в искусстве угождать сильным мира сего, смерил Цзян Жо оценивающим взглядом. На его лице играла глумливая усмешка.

— А ты сам-то человек приличный, чтобы требовать от меня приличных объяснений? — хмыкнул он. — Такие дела на бумаге не фиксируют. Не жди, что я тебе тут распишу всё чёрным по белому.

Внутри у Цзян Жо всё похолодело. Мгновенно оценив обстановку, он понял: спорить бесполезно, решение принято окончательно. И всё же, почти без надежды, он спросил:

— А как же расчёт за те сцены, в которых я уже успел сняться?

— Денег захотел? — Чжао Сэнь вытаращил глаза. — Да из-за тебя весь отснятый материал придётся переделывать! Скажи спасибо, что неустойку не требуем. Проваливай давай, живее. Нечего нам тут дневную смену срывать.

Не прошло и получаса с тех пор, как Цзян Жо приехал на киностудию, а он уже стоял у ворот.

У Линь Сяо как раз начиналась работа. Проводив его до выхода и убедившись, что поблизости никого нет, она негромко спросила:

— Сяо Цзян, кому ты дорогу перешёл? Тебя ведь даже из такого пустякового эпизода вышвырнули.

Цзян Жо криво усмехнулся:

— Да так... одной мелочной шавке на хвост наступил.

Линь Сяо непонимающе моргнула:

— Так шавке или петуху?

Впрочем, позже Цзян Жо подумал, что этот ублюдок Чжан Шаоюань и звания скотины не заслуживает. Зря он тогда сдержался — надо было до полусмерти отделать эту лоснящуюся рожу, чтобы его прямиком в реанимацию увезли.

Но кулаками махать легко лишь в мыслях. На деле же Цзян Жо оставался бессилен перед обстоятельствами. Он так и не признался Линь Сяо, кто за этим стоит. При одной мысли о долгах, которые нужно платить уже в следующем месяце, у него опускались руки. На мгновение даже промелькнула дикая, унижительная мысль: зажмуриться, наступить себе на горло, приползти к Чжан Шаоюаню на коленях и вымолить прощение. Ну переспит он с ним, подумаешь. В конце концов, Ань Хэ дело говорил: нужно уметь пользоваться тем, чем щедро одарила природа, чтобы пробиться в этой жизни.

"В конце концов, первый раз всегда тяжело, а дальше пойдёт как по маслу, — горькая усмешка сама собой скользнула по его губам. — Да и какая разница, если прошлой ночью он уже сделал это? Жаль только, бесплатно"

Но эти малодушные фантазии развеялись так же быстро, как и возникли. Ищи он лёгких путей, разве влачил бы сейчас столь жалкое существование? Разве превратился бы в беззащитную букашку, которую любой богач может раздавить ногтем?

На обратном пути он списался в WeChat с бригадиром массовки, но тот лишь развёл руками: новых проектов пока нет, а в те, что снимаются, люди уже набраны. Посоветовал через пару дней приехать к воротам студии и попытать счастья там — вдруг повезёт.

Для человека, который пахал без продыху даже на Новый год, этот внезапный штиль казался зловещим. Цзян Жо безучастно ехал в автобусе, уставившись в окно на унылые, подёрнутые серой дымкой зимние пейзажи. Из-за своей задумчивости он пропустил нужную остановку.

Конечной оказалась станция «Спортивный центр». Эта окраина Фэнчэна славилась безлюдьем и просторами — здесь, посреди пустырей, высились здания выставочных комплексов, музеев и самый большой в городе театр.

Мало кто знал, что под Фэнчэнским театром существует собственная танцевальная труппа, у которой здесь же обустроен просторный репетиционный зал.

И уж совсем единицы ведали, что за закрытыми дверями этого зала скрыта небольшая сцена — тренировочный плацдарм, где артисты могли репетировать в условиях, максимально приближенных к реальному выступлению.

Цзян Жо не бывал здесь почти два года, но ноги сами вели его по знакомому маршруту. Он миновал западные ворота театра, отсчитал сотню метров по мощёной дорожке и повернул налево, под сень вечнозелёных деревьев. В конце аллеи, за очередным поворотом, его встретили массивные тиковые двери. На потемневшей от времени деревянной табличке всё так же красовалась надпись: «Репетиционный зал танцевальной труппы Синхуэй».

Танцоры обычно занимаются с раннего утра, так что к сумеркам зал пустел. Приоткрыв незапертую дверь, Цзян Жо скользнул внутрь и пошёл по длинному неосвещённому коридору.

Он мог ориентироваться здесь с закрытыми глазами, но всё равно двигался бесшумно и не торопясь. Его тихое появление в этих заброшенных стенах было подобно пылинке, бесшумно опустившейся на старый паркет.

На сцене горели прожекторы — должно быть, дежурный опять забыл выключить свет. Обойдя немногочисленные зрительские ряды, Цзян Жо упёрся ладонями в край подмостков и легко взобрался наверх. Когда тёплый, ослепительный конус света накрыл его с головой, он невольно закинул лицо к потолку, но тут же зажмурился от режущей глаза яркости.

Отвык. Слишком уж долго он не стоял под софитами.

Было бы глупо уйти просто так, не сделав ни единого па. Цзян Жо размял шею, покрутил суставами и без музыки, в полной тишине, заскользил по полу, заходя на связку из контемпорари. Выход в стойку на лопатках с широким кругом ногами в воздухе, упор на руки, резкий прогиб в пояснице с раскрытием корпуса, плавный перекат по паркету и финальный жест — раскинутые руки, ловящие пустоту. Без сил он рухнул навзничь, раскинувшись звездой прямо на гладких досках.

Без регулярных тренировок тело быстро растеряло былую лёгкость. Сделав всего пару базовых элементов, он уже тяжело, прерывисто задышал.

И всё же в эту секунду ему показалось, будто он вырвался из преисподней и вернулся в рай. Прямой свет софитов больше не слепил. Напротив, пришло щемящее чувство дежавю: он дома. Он должен быть именно здесь — под перекрёстными лучами, под оглушительный шквал аплодисментов, омываемый восхищёнными взглядами сотен людей.

Когда-то он верил, что этот хриплый, на грани изнеможения свист в лёгких после сложнейшего танца — лучшая музыка на свете, слаще любых восторженных криков из зала.

Когда-то он обладал той редкой, почти наглой уверенностью в себе, которая заставляет сцену гореть, едва ты ступаешь на неё.

Цзян Жо старался вести себя как можно тише, но при выходе из здания его всё равно кто-то заметил.

Сун Шиюнь вернулась за забытой сумочкой. Из-за суматохи перед выездным концертом она в спешке оставила её в гримёрке. Услышав у входа тихие шаги, она насторожилась: кому понадобилось приходить в репетиционный зал в столь поздний час?

Дверь отворилась, и на пороге показался Цзян Жо. Сун Шиюнь онемела от неожиданности. С трудом веря своим глазам, она ляпнула первое, что пришло в голову:

— Ты?.. Что ты здесь делаешь?

Цзян Жо, узнав её, мысленно выругался, но сразу же взял себя в руки, пытаясь скрыть неловкость пойманного с поличным воришки:

— Да так... мимо проходил. Решил заглянуть.

Отговорка вышла на редкость глупой. Кто станет просто так гулять по глухой городской окраине, да ещё и в сумерках?

Сун Шиюнь не стала уличать его во лжи. Помедлив, она ответила заметно более спокойным тоном:

— Надо же, какое совпадение.

Цзян Жо лишь неопределённо угукнул, не зная, куда девать глаза.

Разговор старых знакомых требовал хоть какого-то продолжения. Сун Шиюнь поинтересовалась, чем он сейчас занимается. Узнав, что Цзян Жо подался в актёры, она мягко улыбнулась:

— Что ж, мы по-прежнему коллеги. И там, и здесь — сцена.

— Да так, просто способ не протянуть ноги, — честно признался Цзян Жо.

— Искусство едино, Сяо Цзян. Неважно, где ты отдаёшь себя зрителю.

В ответ он вежливо спросил о её делах. Оказалось, помимо работы ассистентом руководителя труппы, Сун Шиюнь набрала собственный класс и вскоре собирается везти учеников в столицу на престижный танцевальный конкурс.

— Желаю вашим ребятам только победы, учитель Сун, — искренне произнёс он.

На полуслове разговор иссяк, и между ними повисло долгое, тягучее молчание.

В этой глуши время будто остановилось. Фэнчэн мог расти ввысь небоскрёбами, переливаться неонами и бурлить суетой круглые сутки, но этот тихий уголок оставался неизменным, недвижимым и безмолвным, словно старый снимок на выцветшей фотоплёнке.

Голос Сун Шиюнь прозвучал негромко, будто донёсся из далёкого прошлого:

— А тот... он уже вышел?

Цзян Жо медленно набрал в грудь холодный воздух:

— Нет. Ещё больше полугода осталось.

Сун Шиюнь молча кивнула.

— Надеюсь, за эти месяцы у небес проснётся совесть и он сдохнет прямо там, в камере.

Эти слова больше походили на ядовитое проклятие, чем на доброе пожелание, но Цзян Жо лишь горько усмехнулся:

— Вашими бы устами, учитель Сун.

Этот короткий обмен колкостями неожиданно растопил лёд, вернув им прежнее, полузабытое ощущение непринуждённости.

Прощаясь, Сун Шиюнь велела ему записать её новый номер.

— Будет трудно — звони. Но сразу предупреждаю: денег не просить.

Занятия танцами требовали колоссальных трат сил и средств, а приносили сущие гроши. Даже ведущие солисты лучших трупп зарабатывали столько, что на фоне доходов звёзд шоу-бизнеса их бюджеты казались каплей в море.

Цзян Жо отлично это знал. Он негромко рассмеялся:

— Неужели я похож на попрошайку?

Сун Шиюнь шутливо закатила глаза:

— Конечно нет. Ты из тех гордецов, кто при малейшей беде забивается в щель, боясь обременить знакомых, испаряется в мгновение ока и пропадает без вести на целых два года.

Цзян Жо замаялся, не зная, хвалят его или отчитывают. Неловко кашлянув, он пробормотал под нос:

— Ну и завернули вы характеристику...

Когда он повернулся, чтобы уйти, Сун Шиюнь негромко бросила ему в спину:

— Если всё-таки захочешь вернуться на сцену, я могла бы...

— Не стоит, — мягко оборвал её Цзян Жо, оглянувшись через плечо. — Слишком много работы на съёмках. Свободного времени совсем нет.

Сун Шиюнь замерла. В её памяти ожило смутное воспоминание.

Три года назад точно такой же юноша стоял на этом самом месте и точно так же оборачивался, отказываясь от выгодного предложения подработать на стороне.

Тогда он сказал:

— Извините, но у меня все дни расписаны — тренировки, подготовка к конкурсу. На глупости времени нет.

Почти те же слова, но какая чудовищная пропасть пролегла между их смыслами теперь.

И взгляд у него стал совсем другим. Цзян Жо улыбался, но его глаза оставались мёртвыми, потухшими. Он небрежно махнул рукой на прощание и зашагал к выходу, даже не взглянув на сцену, бывшую когда-то его жизнью.

— Пойду я. График плотный, съёмки не ждут.

Разумеется, никаких съёмок не было. В своё время, отчаянно нуждаясь в деньгах, Цзян Жо сглупу и не глядя подписал контракт с сомнительным актёрским агентством. Все эти два года его держали на птичьих правах — бросили выплывать самому, а собственного агента он видел от силы раза три.

Зато когда дело доходило до деления гонораров, эти стервятники объявлялись незамедлительно. За два года Цзян Жо снялся более чем в десятке проходных картин. И пусть роли были крошечными, агентство исправно забирало львиную долю его заработка.

Терпеть подобное издевательство было выше человеческих сил. В конце прошлого года Цзян Жо скооперировался с такими же обманутыми бедолагами, и они подали на контору в суд. На возвращение украденных денег они уже не надеялись — им бы только аннулировать кабальные договоры и вернуть себе свободу.

Вот только подобные тяжбы всегда затягивались, превращаясь в бесконечную бюрократическую волокиту. Судебные издержки росли, и даже поделённые на всех услуги адвоката выливались в астрономическую для Цзян Жо сумму. Из-за этого в последнее время он отчаянно нуждался в средствах. Планка требований к ролям опустилась на самое дно: если раньше он ещё сопоставлял затраченное время с оплатой, то теперь соглашался на любую халтуру. Главное — чтобы платили.

Но беда, как водится, не приходит одна. Сначала из-за мести Чжан Шаоюаня его со скандалом выставили со съёмки, лишив честно заработанного гроша. Следом как гром среди ясного неба пришла новость от арендодателя: тот внезапно задрал плату за квартиру и потребовал выплатить всю сумму за год вперёд. Цзян Жо пришлось выскрести все сусеки и влезть в новые долги, чтобы не оказаться на улице, а очередное ежемесячное списание по кредиту окончательно обнулило его баланс.

Последним же ударом стало известие о госпитализации Ань Хэ.

После той кошмарной ночи с Чжан Шаоюанем здоровье Ань Хэ сильно пошатнулось. Но времени на восстановление у него не было — долги гнали вперёд. Парень вернулся к работе, едва встав на ноги, и непосильные смены окончательно его подкосили. Он ходил бледной тенью, у него дрожали руки, он даже поднос удержать не мог. Предыдущее сообщение Цзян Жо осталось без ответа лишь потому, что в тот вечер Ань Хэ случайно разбил две бутылки коллекционного вина. От ужаса перед неподъёмным штрафом парень побледнел как полотно и рухнул в обморок прямо на глазах у испуганных посетителей бара.

С этого момента все внезапно образовавшиеся выходные Цзян Жо провёл в больничной палате. Чтобы успокоить душу, он настоял на полном обследовании друга и сам оплатил все счета. Результаты оказались пугающими: у Ань Хэ обнаружили врождённый порок сердца в критической стадии. Цзян Жо мало что понял из сыпавшихся на него заумных медицинских терминов, но суть уловил сразу: оперировать нужно немедленно. При таком диагнозе любое сильное потрясение могло привести к мгновенной остановке сердца.

Цзян Жо смутно представлял себе границы этого опасного «эмоционального диапазона», а потому преподнёс новость другу в максимально шутливой манере:

— Да ерунда, пустяковая операция. Залатают тебе парочку дыр в сердце. Глядишь, и ума прибавится, перестанешь быть таким наивным простофилей.

Ань Хэ искренне рассмеялся, но сквозь выступившие на глазах слёзы тихо спросил:

— Это ведь... очень дорого, да?

— Копейки. Не забивай себе голову.

— Сяо Цзян, не ври мне. Я же понимаю. Я, может, и дурак, но не круглый.

Улыбка сошла с лица Цзян Жо. Он хмуро посмотрел на бледного парня, полулежащего среди подушек:

— Ах, не дурак? А кто в детстве умудрился потеряться и угодить в лапы к торговцам людьми? Кто годами кормил ораву неблагодарных тварей, которые называют себя твоей семьёй? И раз

уж ты такой умный, зачем сейчас лезешь с вопросами? Трудно было притвориться дурачком и смолчать?

По натуре кроткий и робкий, Ань Хэ густо покраснел от этой отповеди. Он попытался слабо возразить:

— Но ведь ты сам... у тебя же тоже...

Договорить ему не дали — Цзян Жо бесцеремонно толкнул его назад на подушку и натянул одеяло по самые уши.

— Я решу этот вопрос, — отрезал он сквозь зубы. — Врач велел тебе соблюдать полный покой. Так что закрой рот и спи.

Но едва за ним закрылась тяжёлая дверь палаты, напускная уверенность Цзян Жо мгновенно испарилась. Он прислонился спиной к холодному кафелю больничного коридора и медленно сполз вниз. Силы оставили его.

За последние два года судьба не раз проверяла его на прочность, швыряя в бездну отчаяния, но никогда ещё он не чувствовал себя настолько загнанным в угол. Это был тупик. Абсолютный, глухой тупик.

Буквально час назад, прямо перед обходом, раздался звонок от их адвоката. Тот сообщил неутешительные новости: агентство наняло сильную команду юристов и подало встречный иск о нарушении условий контракта. Ведь по документам Цзян Жо обязан работать на них пять лет, а пошёл только третий год.

Сухой закон безжалостен к эмоциям: подписанная бумага имела в суде стократ больший вес, нежели все их шаткие доказательства того, что агентство пренебрегало своими прямыми обязанностями по продвижению артистов.

Адвокат высказался предельно сухо:

— Я сделаю всё возможное, чтобы переломить ход дела, но советую вам готовиться к худшему.

К какому худшему? Ответ лежал на поверхности — к новым тратам. В случае проигрыша ему грозила выплата колоссальной неустойки, а в случае победы... он просто оставался при своих, потеряв кучу денег на судебных издержках.

По сути, вопрос стоял ребром: готов ли он откупиться ради свободы? Начиная эту войну с агентством, Цзян Жо понимал риски, но тогда в нём говорила глупая надежда и отчаянная, слепая храбрость загнанного зверя. Ему казалось, что падать ниже уже некуда.

Оказалось — есть куда. Жизнь умела бить наотмашь.

Бюджет Цзян Жо всегда подчинялся строгому, выверенному порядку приоритетов. На первом месте всегда стояла выплата долгов. За ней шли базовые нужды — еда и скромная крыша над головой. Всё прочее вроде развлечений безжалостно вычёркивалось.

Внезапная болезнь Ань Хэ бесцеремонно взломала эту хрупкую систему. Сбор средств на операцию ворвался в его жизнь и мгновенно возглавил список расходов, потеснив даже выплату кредитов.

Он не рассуждал, правильно это или нет, глупо или благородно. Он просто знал: иначе нельзя.

Причина была до смешного проста. В их первый совместный Новый год Ань Хэ не поехал на родину. Он остался в съёмной квартире и бережно слепил для них двоих тарелку домашних пельменей.

Цзян Жо до сих пор помнил его тихий голос в ту праздничную ночь:

— Сяо Цзян, я ведь даже собственного настоящего имени не помню... Зато Фэнчэн врезался в память намертво. Наверное, это очень хорошее место. Я расшибусь в лепёшку, но останусь здесь.

Для самого Цзян Жо этот город не был родным. Он приехал сюда ради учёбы, но за пять лет так и не прирос душой к холодным каменным джунглям Фэнчэна.

Он не разделял восторгов друга, однако чувствовал с ним странное, почти родственное созвучие.

Вероятно, людям свойственно искать спасение, помогая другим. Цзян Жо отчаянно хотел, чтобы Ань Хэ сохранил эту наивную, трогательную связь с городом. Пускай зацепится за него покрепче. Пусть пустит корни, чтобы не превратиться в перекасти-поле вроде самого Цзян Жо, который каждую ночь просыпается в холодном поту от ощущения свободного падения, тщетно пытаясь ухватиться хотя бы за призрак опоры.

Когда решение наконец созрело, Цзян Жо открыл список вызовов. Отыскав безымянную строчку, он занёс палец над экраном. Последние остатки глупой гордости и стыда испарились без следа.

Больше не было ни сомнений, ни душевных терзаний о правильности выбранного пути.

У него была цель. И была необходимость, лишавшая его права на слабость. Дождавшись, когда на том конце провода снимут трубку, он без лишних предисловий спросил:

— Твоё прошлое предложение ещё в силе?

Он имел в виду слова Си Юйфэна. Тот просил позвонить, когда Цзян Жо наконец решит, чего хочет взамен на свою покорность.

Ответом ему был низкий, обволакивающий бархат голоса Си Юйфэна, раздавшийся после секундной паузы:

— Разумеется.

<http://bllate.org/book/19587/1942959>